

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

СМЫСЛОВЫЕ ТРИАДЫ В РУССКОМ ДИСКУРСЕ

РУЗАН ГРДЗЕЛЯН

**Всё сущее - увековечить,
Безличное - вочеловечить,
Несбывшееся - воплотить!**
Александр Блок

Одна из ипостасей языка – быть извечным хранителем сущностей. Узреть во внешнем мире, «поймать» в ментальном пространстве неуловимую, как бабочка, сущность, закрепить ее в языковой форме и тем самым предпослать другое бытие, бытие в знаке – вечном труженике, создателе формы мыслей и множителе смыслов. Именно язык улавливает, собирает воедино все сущностные признаки объекта внешнего мира, присваивает ему имя-знак, дает возможность формировать и накапливать некоторые «надсущностные» признаки и стать не только именем объекта-материи, но иногда также именем более сложных, нематериализованных во внешнем мире понятий.

Объект внешнего мира в том числе возможно рассматривать и как набор присущих ему признаков. При этом в языковом знаке бытийные, основные, сущностные признаки именуемого объекта внешнего мира, как правило, сосредоточены в денотативной зоне, а «надсущностные» признаки, формирующиеся в ментальном поле человека, - в сигнификативной зоне. Таким образом, у именуемого объекта можно выделить следующие признаки: 1) обязательные сущностные признаки, присущие классу объектов – денотату; 2) обязательные признаки, сформированные в ментально-культурном пространстве этноса; 3) факультативные признаки, присущие конкретному объекту внешнего мира – референту; 4) факультативные признаки, сформированные в ментальном поле субъекта / говорящего. В денотативной зоне сосредоточены сущностные признаки, в сигнификативной зоне – преимущественно «надсущностные». При этом в контексте могут быть актуализированы также и факультативные признаки. Так, в сигнификативной зоне у имени могут формироваться признаки, допускающие различного рода переносные употребления и формирующие качественную и метафорическую семантику у имен с денотативной основой значения, что в итоге может привести к изменению структуры их лексического значе-

ния. При этом представляется неоднозначным механизм формирования качественных признаков: что вначале – речевое, дискурсивное употребление с семантическими сдвигами, способствующее расширению сигнификата, или же – импульсы, исходящие из самого знака и стимулирующие подобные употребления? Вероятно, разрешить эту проблему поможет следующий методологический подход. Рассуждать о подобных процессах, исходя из фактора слова как языковой единицы, будет, на наш взгляд, не вполне верным, поскольку новый качественный признак в этих случаях чаще всего формируется не в пределах слова, а в рамках словосочетания «адъектив + имя». И с этой точки зрения словосочетание должно рассматриваться не как синтаксическая единица, а скорее как некая дискурсивная единица, поскольку именно в недрах дискурса вербализуется концепт. Причина такого явления, как представляется, кроется в следующем: «Человек различает характеристики имманентные, присущие объектам, и приписываемые им субъектом»¹. Именно приписываемые объекту характеристики чаще всего представлены в определениях. Но иногда также отдельные имманентные признаки «выводятся за скобки» семантической структуры самого слова и представляются в виде определения, усиливая тем самым данный признак. Насколько же закономерен этот языковой механизм в том или ином языке, говорит, вероятно, об определенной типологической закономерности, что будет рассмотрено нами отдельно.

Как известно, конкретные и вещественные существительные имеют денотативную основу значения и формируют его на основе внеязыковых сущностных, бытийных признаков. Однако в языке могут быть задействованы механизмы, формирующие у подобных существительных качественную семантику. Рассмотрим с этой точки зрения такие лексико-семантические разряды существительных, как *имена природных объектов*, *имена веществ* и *имена артефактов*.

Окружающий человека мир природы разнообразен и многолик. Земля, ее недра, воды, растительный и животный мир, Вселенная в своих бесконечных проявлениях. Но в этом многообразии человек издревле выделял отдельные объекты, наблюдал за ними, вникал в их суть, подчас наделял их сакральными смыслами и божественной силой, превращал в символы – «ткал» из присущих им признаков понятийное полотно. Именно по этой причине семантическая основа лексико-семантического класса существительных, именующих природные объекты, создает наиболее благоприятную почву для формирования в их сигнификативной зоне качественных признаков.

В словарных статьях, посвященных большинству таких слов, зафиксированы их переносные употребления. Так, *солнце* в том числе обозначает: То, что является источником жизни, счастья для кого-л., чего-л. //

¹ Николаева Т.М. От звука к тексту. М.: Языки русской культуры, 2000, с. 397.

Источник средоточения чего-л.; Тот, кто является предметом поклонения, восхищения, любви. // Тот, кто прославился в какой-л. области деятельности; знаменитость; **звезда**: м. и ж. разг. Тот, кто прославился в какой-л. области деятельности (в искусстве, литературе, спорте и т.п.); **заря**: Начало, зарождение чего-л. (обычно радостного, светлого); **огонь**: Внутреннее горение, страсть; **море**: Обширное, безбрежно простирающееся пространство чего-л. // разг. Огромное количество, неисчислимое множество чего-л.; **гора**: Множество чего-л., лежащего кучей, ворохом; **небо**: устар. Провидение, божественные силы.² У слов же *луна*, *вулкан*, *пещера* нет зафиксированных словарями оттенков качественных значений, однако в контекстах можно наблюдать подобные употребления. Нас же в данном случае больше будут интересовать адъективные словосочетания с этими существительными, словосочетания с производными от этих существительных прилагательными, изначально имеющими статус относительных, поскольку они обозначают признак через отношение к предмету, а также те имена, которые характеризуются этими прилагательными. Известно, что подобные прилагательные легко переходят в разряд качественных, что обусловлено семантической природой производящих существительных. Но при этом они сохраняют смысловую связь с объектом и соответственно некоторые признаки относительных прилагательных, поэтому редко становятся полноценными качественными прилагательными.

Так, слово **солнце** в структуре своего лексического значения имеет следующие **базовые** (обязательные, сущностные) **признаки**: 'яркость' и 'температура'. Именно эти признаки формируют денотативную зону слова, поэтому их еще можно назвать «денотативными». Солнце в норме мыслится как уникальный природный объект, излучающий сильный / яркий / ослепительный свет и имеющий высокую температуру, являющийся источником жара / зноя, ср.: (1) *В окно светило чистое и яркое солнце.* А. Варламов; (2) *Солнце припекало всё сильнее и настойчивее.* В. Астафьев; (3) *Солнце светит изо всех сил в раздвинутую настежь стенку. Стены нет, вместо нее – солнце.* И. Грекова; (4) *Солнце палит, оркестр гремит;* (5) *Вон солнце залило всю комнату.* Ю. Домбровский; (6) *Солнце жгло, было жарко и душно.* В. Вересаев; (7) *Солнце разгоралось на небе, как бы свирепея, парило и пекло неотступно.* И. Тургенев; (8) *Солнце топило невыносимо.* И. Боянов.³³

В дискурсе проявляются также **факультативные признаки**, которые характеризуют референт и являются признаками не имманентными, а внешними, приписываемыми объекту наблюдателем, их условно можно назвать «референтными»: 'свет', 'цвет', 'форма', 'время', 'положение', 'принадлежность'. Ср.: (1) *Поднимается алое рассветное солнце.* Н. Коле-

² «Словарь Ефремовой Онлайн» <http://www.nashislova.ru/efremovoy2/>

³ «Национальный корпус русского языка (НКРЯ)» www.ruscorpora.ru

сова; (2) *И не заметили, как за болотом село в тучу **низкое** солнце*. В. Быков; (3) ***Белёсое мутное** солнце пробивалось сквозь пелену перистых облаков*. А. Варламов; (4) ***Красное** солнце садилось за деревьями*; (5) ***Потом розовое** солнце поднялось из белых облаков*. Б. Екимов; (6) *Днем в едком дыму пряталось **багровое, тусклое** солнце*. Л. Андреев; (7) *... светит знаменитое **японское** солнце*. В. Пелевин (следует отметить, что в данном случае к значению «солнце, которое светит над Японией» прибавляется также знание о символике японского флага, а также знание косвенной референции *страна восходящего солнца*); (8) ***Утреннее** солнце выглянуло из-за горы*. В. Ремизов; (9) ***Зимнее** солнце стекало по черному плюшу кипарисов на камни ограды*. Д. Рубина; (10) *Она видела, как **плоское** солнце медленно погружается в океанские пучины*. Д. Емец.

Важную роль в формировании качественных признаков играют **признаки, сформированные в ментально-культурном пространстве этноса**. Назовем их «этнокультурными признаками». Во многом благодаря именно этим признакам в структуре лексического значения формируются переносные значения. Так, *солнце* русскими часто мыслится как *живое существо, источник жизни, родной / дорогой человек*. Эти смыслы прежде всего проявляются в таких стертых метафорах, как *солнце село, взошло, поднялось, зашло, выглянуло*, в стандартных обращениях *Солнышко! Солнце мое!* Ср.: (1) *Медленно **садится** красное солнце*. В. Абашев; (2) *Солнце тем временем **убегало** высоко в синее небо*; (3) *Солнце **карабкалось** всё выше*. А. Олейников; (4) *Вечерами солнце **заворачивалось** в одеяло из облаков*. И. Боянов; (5) *Илларион Хазарадзе – наша гордость! **Наше солнце! Наше всё!*** М. Гиголашвили; (6) *Я должен еще раз увидеть вас, должен вам сказать, что **вы моё солнце**, моя радость, моя весна*. В. Лихоносов; (7) *Ну, милый Демон, **глупое мое Солнце**, или уже не мое, не Демон, не Солнце?* Н. Пунин.

И наконец, **факультативные признаки, сформированные в ментальном поле субъекта / говорящего**. Они чаще всего связаны со свойственными человеку характеристиками, состояниями, приписываемыми солнцу, и являются метафорическими эпитетами. Ср.: (1) ***Пьяное** солнце бурлило в хмельной голове*. О. Копытов; (2) *Слепило **подслеповатое** солнце*. К. Балков; (3) *В окно заглядывало **насмешливое** солнце*. А. Сапегина; (4) *Сверху сияет **круглолицое** солнце*. И. Константинов; (5) ***Вежливое** северное солнце выглянуло из пелены облаков на горизонте*. Г. Садулаев.

Таким образом, наряду с лексическим значением, слово *солнце* в языке / дискурсе имеет и другие смысловые характеристики, которые реализуются в словосочетаниях, поэтому можно говорить не только о наличии в языке слова «солнце», но о бытующем в дискурсе смысловом комплексе «солнце», вбирающем в себя также ряд внешних факультативных признаков. Зарождаясь в дискурсе, многие из подобных словосочетаний начи-

нают устойчиво употребляться и становятся дискурсивными единицами / штампами, ср.: *солнце яркое, ослепительное, палящее, знойное, жгучее, сильное, слабое, восходящее, закатное, утреннее, вечернее, полуденное, зимнее, осеннее, южное, северное* и т.д.

Однако в определенной связи с рассмотренными словосочетаниями находятся также словосочетания с прилагательным *солнечный*, которые вводят в смысловую орбиту понятийной зоны «солнце» новые имена. Некоторые из этих имен тематически связаны со словом *солнце*, устойчиво употребляются с прилагательным *солнечный*, которое в этих случаях является относительным, ср.: *солнечный диск, восход, луч, блик, свет, жар*. Подобные словосочетания трансформируются в словосочетания с несогласованным определением, ср.: *восход солнца, луч солнца, свет от солнца, жар от солнца*. Близки им по своим языковым характеристикам словосочетания типа *солнечный день, солнечный удар, солнечный зайчик*, которые, однако, не подвергаются такой трансформации, и прилагательное в них, приобретая некоторые черты качественности, в контекстах обычно нуждается в «смысловой поддержке» своей качественно-положительной семантики со стороны других определений, ср.: (1) *Вечер был мирный, солнечный, с инеем на деревьях*. И. Бунин; (2) *И прожили нашу жизнь как один чудесный солнечный день*. Е. Долгинова; (3) *Огромный, чудесный, раскрытый солнечный мир лежал внизу*. Г. Фукс; (4) *Парк был как раз чудесный, осенний, желтый, красный и солнечный*. А. Макушинский; (5) *Наконец на шестые сутки, уже почти потеряв ритм ночей и дней, в один прекрасный солнечный миг он проснулся и почувствовал себя снова молодым*. А. Мишарин.

Подобные контексты дают возможность дополнить смысловое поле слова *солнечный* новыми качественными признаками, что, в свою очередь, способствует возникновению переносных употреблений, ср.: (1) *Я уже подходил к гостинице, такой солнечный, бодрый и пустой, молодой и свежий, словно ничего не было*. А. Битов; (2) *Потому что у нас нет этого последнего приюта, который есть у каждого человека. Спрятаться в солнечный идиотизм. Уйти в социальный протест*. В. Пелевин.

Таким образом, существительное *солнце*, само по себе обладая рядом сущностных и дополнительных признаков, умножает или усиливает их при помощи прилагательных-определений. Одновременно с этим производное от него прилагательное *солнечный* вводит в его смысловую орбиту новые слова, дополняющие комплекс сформированных в дискурсе смыслов: *солнце* → *яркое солнце* → *солнечный день* → *человек-солнце* → *наше солнце* → *солнечный человек*. Следовательно, можно говорить о смысловой связи между тремя данными языковыми единицами и о существующих между ними смыслопорождающих механизмах. Слово (*солнце*), словосочетание «адъектив + имя» (*яркое солнце*), словосочетание «отымен-ный адъектив + имя» (*солнечный луч*) образуют **смысловую триаду**.

Именно в границах этой смысловой триады, в цепи смысловых приращений и семантических переходов возникают и приписываются имени те или иные внешние признаки, однако, какими они будут, зависит от базовых признаков. Так, базовые признаки имени *небо* – ‘локус’ и ‘свет / цвет’. В норме небо мыслится говорящим как бескрайнее и синее / голубое. Таким образом, базовые признаки формируют стандартные словосочетания для слова небо – *небо бескрайнее, огромное, большое, безбрежное, синее, голубое, светлое, темное, мрачное, высокое, низкое*. Кроме того, слово *небо* употребляется с такими словами, как *всё* и *полностью*, ср.: (1) *Всё небо было обложено пухлыми войлочными тучами*. Ю. Домбровский; (2) *Через некоторое время ударил мороз, и всё небо мгновенно покраснело*; (3) *Солнце растеклось на всё небо*. К. Букша; (4) *Небо полностью затянuloсь*. В. Слипечук.

Думается, что именно базовые признаки имени *небо* ‘локус’, ‘свет’ обуславливают также и религиозные представления об этом природном объекте. Известно, что небо (небеса), по религиозным представлениям многих народов, является пространством, или местом пребывания Бога. Верующими оно также воспринимается как провидение, источник божественной силы: *Царь небесный, царствие небесное, силы небесные; Громы небесные! Сошедший с небес; ниспосланный с неба*; ср. также: *В небесах торжественно и чудно*. М. Лермонтов. Согласно Словарю символизма, «Небеса означают трансцендентность, бесконечность, высоту, царство блаженства, высшую власть, порядок во Вселенной»⁴. Кроме того, небеса обычно изображаются синим цветом. Таким образом, во многих лингвокультурах слово «небо» приобретает такой признак, как *божественный*, что, в свою очередь, обуславливает появление признака *прекрасный, восхитительный*, ср.: (1) *И я забыл твой голос нежный, твои небесные черты*; (2) *Никто ее любви небесной не достоин*. А. Пушкин; (3) *Алмаз вы наш небесный, драгоценнейший господин директор...* М. Булгаков.

Думается, что смысловая триада как языковой механизм и смысловый комплекс как дискурсивное образование являются одним из условий формирования концепта. Ведь не случайно в латыни слово *conceptus* в том числе обозначает ‘завязь, зачатие, оплодотворение’, это продукт интеллектуальной деятельности, порождение ума, это «схватывание» сущностных признаков объекта и смысла слова, выражения, это то, что соответствует ёмкому армянскому слову *ըմբռնում* ‘понимание’. Однако современное определение концепта, согласно Ю.С. Степанову, выделяет в нем две очень важные особенности – расширение и минимизацию⁵. С одной стороны, языковой знак концептуализируется, когда расширяет своё понятие,

⁴ См.: «Словарь символизма» <http://tolslovar.ru/n4069.html>

⁵ См.: Степанов Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М.: Языки славянских культур, 2007, с. 11.

свой сигнификат, когда к сущностным признакам прибавляется целый комплекс представлений, ассоциируемых с данным знаком – научных, психологических, эмоциональных, художественных, бытовых. С другой же стороны, весь такой комплекс представлений и ассоциаций, далеко выходящий за границы понятия об объекте, одновременно свёртывает их и обратно «упаковывает» в знак. Таким образом, некоторое представление, расширяясь и тем самым становясь фактом культуры, отражая определенную культурную ситуацию, впоследствии кристаллизуется, вербализуется и становится фактом лингвокультуры. Но предусловием этих процессов являются смыслы, сформированные в пределах смысловой триады.

Так, базовыми признаками слова *звезда* являются ‘яркость’ и ‘размер’. Звезда в представлении говорящего – это маленькая точка на небе, которая сияет и сверкает. В переносном употреблении – это человек, который прославился в какой-либо области. Ср.: (1) *Сияют звёзды на небе ясном*. Ю. Нагибин; (2) *Звезда Енгибарова взошла бы на международном небосклоне*. И. Кио. Кроме того, в русском дискурсе бытуют словосочетания, устойчивые выражения с адъективами, ср.: *звезда яркая, сверкающая, мерцающая, падающая, восходящая, путеводная*. В свою очередь, словосочетание *путеводная звезда* вводит также в религиозный контекст, ассоциируя звезду с известным христианским мифом. Далее в недрах русской культуры, в частности литературы, это понятие расширяется, а слово *звезда* наращивает смыслы. С этой точки зрения знаковыми являются общеизвестные произведения, строки которых, вырванные из оригинального текста, становятся прецедентными высказываниями и как самостоятельные выражения начинают бытовать в русском дискурсе.

Прежде всего это стихотворение Пушкина «К Чаадаеву» (1818), строки из которого «Товарищ, верь, взойдет она, звезда пленительного счастья» стали прецедентным высказыванием, а словосочетание *звезда пленительного счастья* прочно вошло в русский дискурс, ср.: (1) *Пожалел старушку Раскольников Родион Романович, выучился, в люди вышел, но всё на жизнь-то глядел с классового подхода и догляделся, и всё вышло, как хотели: взошла она, эта самая звезда пленительного счастья, и на обломках самовластья написали имена...* А. Терехов; (2) *Какой материал или вещество лежит без присмотра, возьми и дома сохрани, пока взойдет она, звезда пленительного счастья*. В. Ерофеев; (3) *Коллектив портила «звезда пленительного счастья»* - Бирюков. К. Беяков, В. Домрачев.

Еще одним, знаковым для русского дискурса, произведением является стихотворение Лермонтова «Выхожу один я на дорогу» (1841) и известные строки «Ночь тиха. Пустыня внемлет богу, / И звезда с звездою говорит». Прецедентное высказывание «*И звезда с звездою говорит*»,

согласно Национальному корпусу русского языка (НКРЯ)⁶, еще более употребительно в русском дискурсе, ср.: (1) *Успех тянется к успеху, звезда с звездой говорит, так что Александра Маринина с Дарьей Донцовой, судя по светской хронике, вполне уютно чувствуют себя в одной компании с элитой не только отечественного бизнеса, но и отечественной культуры.* С. Чупринин.; (2) *Когда мошенничество стало его второй натурой, куда смотрела его первая натура? Гений: и звезда с звездой говорит.* Графоман: и звезда с луною говорит. Ф. Искандер. (3) *Несмотря на прелесть этой жизни, она все-таки не особенно богата впечатлениями и в конце концов кажется несколько однообразной, тем более людям, которые равнодушны к великим таинствам природы и совсем глухи к тому, о чем «звезда с звездой говорит».* К. Станюкович; (4) *Так ему одиноко на земле, что на небе веселее кажется: там звезда с звездой говорит.* Н. Горланова. (5) *Смерть ведь выглядит по-всякому, а любовь у всех — одна — звезда с звездой говорит.* М. Анчаров; (6) *Пустыня внемлет богу, И звезда с звездой говорит. Так шла, Владимир Афанасьевич, наша военная жизнь на этом этапе.* Ю. Герман; (7) *И звезда с звездой говорит... Вот уже не первое десятилетие в американском кино царит культ кинозвезд.* В. Юрьев. (8) *Ей никто не успел внушить, что когда Пастернак, в стихах и в прозе, с восхищением, с возмущением, с упреком, со слезами и скорбью, пишет о Маяковском, о его поэзии, о его трагической гибели, это «звезда с звездой говорит»...* Л. Чуковская.

К двум рассмотренным текстам можно, безусловно, прибавить и другие. Это, прежде всего, стихотворения С. Есенина «Звезды», Вл. Маяковского «Послушайте!», известный романс «Гори, гори, моя звезда», которые оставили свой прочный след не только в русской культуре и литературе, но стали также достоянием русского лингвокультурного пространства. Слово же «звезда» в результате концептуализировалось, вобрало в себя эти образы и прочно стало ассоциироваться не только со сверкающей на небе маленькой точкой, но также и с «пленительным» счастьем, с общением - внутренним, духовным, а иногда и вселенским, божественным, с «волшебной» любовью, с лучшими днями жизни (*Звезда любви волшебная, / Звезда прошедших лучших дней!*). Именно поэтому все последующие русские поэтические тексты о звезде неизбежно ассоциируются с привычными для русской лингвокультуры смыслами, ср.: *Пусть стены круты, башни стройны / И ослепительны огни; / Пусть льют потоки крови войны; / Пусть переменны наши дни; / Пускай кипят, звенят, трепещут, / Грохочут гулко города; / Пусть время неумолчно плещет, / - Ты надо всем **горишь, звезда!*** Вл. Ходасевич. От подобных ассоциаций не свободны также тексты, в которых слово «звезда» выступает в прямом значении, и кажется, будто не может идти речи о каких-либо подтекстах, ср.: *Что такое звёзды? / Если спросят вас /*

⁶ См.: «Национальный корпус русского языка» www.ruscorpora.ru

— *Отвечайте смело: / Раскалённый газ. / И ещё добавьте, / Что притом всегда / Ядерный реактор / — Каждая звезда!* Р. Алдонина.

Таким образом, на примере распространённого во многих лингвокультурах концепта мы постарались проследить механизмы зарождения и закрепления концептуальных смыслов слова «звезда», тех ее внешних признаков, которые сформировались в ментально-культурном пространстве этноса, в недрах русской культуры и литературы. Но при этом подобные смыслы сформировались на основе стандартных для русского дискурса словосочетаний *звезда яркая, сверкающая, мерцающая, падающая, восходящая, путеводная; звездная ночь, звездное небо, звездный дождь, час, миг, уровень, состав*. Поэтому можно говорить об обусловленности концептуальных смыслов бытующим в дискурсе смысловым комплексом и существующим в языке механизмом «смысловой триады».

Мы рассмотрели имена таких уникальных природных объектов, как *солнце, небо*, а также такого космического объекта, как *звезда / звёзды*. Естественно, в силу того, что эти феномены всегда привлекают человека, кажутся ему полными тайн, которых до конца не разгадать, их знаки-имена в языке постоянно будут направлены на расширение сигнификата, на концептуализацию смысла, в текстах они часто окружены логическими определениями и эпитетами. В подобных объектах человек мыслящий и говорящий выделяет прежде всего не базовые или функциональные признаки, а внешние – свет, цвет, красоту (*солнце прекрасное, багровое, алое, пунцовое; небо чудесное, опаловое, золотое; звезда алмазная, голубая, жемчужная, изумрудная, хрустальная*) что, в свою очередь, обогащает смыслами само имя (*солнце, небо, звезда*) и отыменный адъектив (*солнечный, небесный, звёздный*).

Близки в этом отношении к именам природных объектов имена веществ. Многие из них, имея базовый признак ‘вкус’, легко развивают на его основе качественные значения - *Сахар был сладок, / И соль солоня*. Л.Мартынов. При этом такие существительные, как *сахар* и *соль* крайне редко употребляются в текстах с определениями. Вероятно, это связано с тем, что имена веществ, как правило, указывают на предназначение того или иного вещества, но крайне редко описывают его внешний вид или впечатления наблюдающего над ним субъекта. Поэтому и редкие определения при этих именах характеризуют их вид, сорт, вкусовые качества, ср.: *сахар пилёный, жжённый; соль поваренная, морская, йодированная, английская, крупная, мелкая*. Ср. также редкое метафорическое употребление слова *сахар*: *Голубою весной облака я люблю, / райский сахар на блюде блестящем*. Вл. Набоков. В переносном значении слово *сахар* употребляется в стереотипном высказывании *Жизнь / человек не сахар / сахар*, а также в специфических для русской речи формах выражения интенсивности признака «имя + отчество» и редко в обращениях, ср.: (1)

Естественно, **жизнь** в таких обстоятельствах **была**, прямо скажу, **не сахар**. И. Архипов; (2) *Историй из собственной практики понарасказывал, да таких, что ой! – Вот так вот, а вы думали, вам тут сахар*. Т. Соломатина; (3) *Ах, ты, сахар ты мой, Галактион Павлыч, соскучился я по тебе*. Д.Н. Мамин-Сибиряк; (4) *Подле него стоял помещик, широкий, мягкий, сладкий – настоящий Сахар-Медович – и кривой. Он заранее смеялся остроумам маленького человека и словно таял от удовольствия*. И.С. Тургенев; (5) *Современная иконография, сахар сиропыч, делает из Людвига девственника*. А. Тимофеевский.

Вещественные существительные чаще всего имеют такие базовые признаки, как 'вкус', 'цвет', 'фактура', 'консистенция', например, *сахар сладкий, белый, сыпучий; мед сладкий, желтый, вязкий; вода безвкусная, прозрачная, жидкая* и т.д., многие из которых больше связаны с осязанием и меньше - с **видением**, с внешним восприятием, их можно назвать «слабыми предметными признаками». И, наоборот, они не являются носителями таких базовых признаков, как 'величина', 'длина', 'конфигурация', которые больше связаны с внешним восприятием и выражают «большую предметность», их можно назвать «сильными предметными признаками», ср.: *кнопка маленькая, круглая, острая; топор большой, острый, удлинённый* и т.д. Именно базовые признаки, характерные для вещественных существительных, - «слабые предметные признаки» - способствуют наибольшему сближению семантических признаков существительных и прилагательных и в определенной степени размывают границы между ними, вследствие чего они могут заменять друг друга в контекстах, ср.: (1) *Говорила она таким сладким медовым голосом, что Георгия Христофоровича всегда тошнило от ее разговоров, причем употребляла всегда слова: «Ангел мой, серафим мой, сахарный мой»* (ср., «сахар мой»). П. Алешковский; (2) *Да, характер у него не сахарный* (ср., «не сахар»)… Т. Тронина. Поэтому прилагательные, образованные от имен веществ, редко бывают собственно относительными и имеют при этом ограниченную сочетаемость, ср.: *сахарный песок, сироп, леденец, раствор, магнат, король, завод, комбинат*. Во всех же остальных случаях они развивают качественную семантику, ср.: (1) *Бросил на меня мельком сияющий сахарный взгляд*. Вл. Дудинцев; (2) *В один прекрасный сахарный день я сварила тянучку, выклянчила у нашей колонистки Маргариты Греесс сказки Гофмана, облюбовала себе местечко за кустом сирени и разлеглась там вместе со своей миской, ложкой, тянучкой и «Щелкунчиком»*. Т. Луговская; (3) *Улыбка ее сделалась неподвижной — сахарный оскал на смуглом лице*. А. Стругацкий, Б. Стругацкий; (4) *Картины, картины, — творения местных маринистов, маслянистый столб луны или сахарный парус среди прусской синьки*. В. Набоков.

Таким образом, характер базовых признаков влияет на семантические

свойства как существительного, так и образованного от него прилагательного, вследствие чего граница между частями речи оказывается размытой, нежесткой – если существительное имеет слабые предметные признаки, – и наоборот, эти границы более четкие – если оно имеет сильные предметные признаки.

С этой точки зрения иными характеристиками обладают многие имена артефактов, ср. *кнопка – кнопочный, игла – игольный, булавка – булавоочный, гвоздь – гвоздевой, пуговица – пуговичный, ковер – ковровый, печь – печной, окно – оконный, рубашка – рубашечный, лампа – ламповый, подушка – подушечный, забор – заборный, свеча – свечной, корабль – корабельный* и т.д. Указанные относительные прилагательные имеют ограниченную лексическую сочетаемость и крайне редко приобретают качественные признаки, ср. *пуговичный носик, булавоочный зрачок, подушечный голос* (примеры взяты из НКРЯ). Семантическую основу подобных существительных образуют сильные предметные признаки, которые затрудняют развитие качественных признаков, а в некоторых случаях образование прилагательных затруднено или невозможно, ср.: *скатерть* (среди употреблений в НКРЯ зафиксирован только топоним *Скатертный переулок*), *ручка, чашка, стул, скалка, кувшин, ваза, каравай*. Однако существительное типа *бисер* приближено к вещественным существительным, и соответственно прилагательное *бисерный* легче развивает качественные признаки, ср.: *бисерный почерк, пот, иней, дождь, туман, след*.

Так, слово *топор* в русском дискурсе достаточно редко употребляется с определениями, это предмет, который чаще не описывают, а используют, ср.: (1) *Тотчас же послушно схватился за топор и принялся рубить не вмещающуюся в метраж террасу*. А. Варламов; (2) *Я схватил топор, с вечера положенный в головах, под солому, и не сразу понял, где я и что за красный свет ворочается в хате*. В. Астафьев; (3) *Я надел высокие сапоги, взял топор и пошёл поискать сушину на дрова*. Ю. Коваль; (4) *Тогда Стёпка выхватил у мужика топор, подскочил к статуе, которая с копьём, и от души замахнулся на неё для истребления*. Е. Замятин.

Обладая базовыми признаками «размер», «конфигурация» и «острота», топор в норме мыслится как большое, острое оружие удлиненной формы, источник опасности, угрозы. Это предмет «весомый, грубый, зримый», «однозначный», пугающий, соответственно, формирующий в ментальном пространстве этноса определенный круг представлений и переносных употреблений, но при этом не стимулирующий расширение понятия. Видимо, этим обусловлено употребление этого слова без определений. Определения же, употребляемые при слове *топор*, как правило, передают имманентные, не внешние, признаки, усиливая его семантику, но не привнося дополнительных смыслов, а в некоторых случаях указывая на принадлежность, предназначение, ср.: *топор большой, огромный, острый, заточенный, тяжелый, крепкий, боевой, деревянный, плотницкий, мясницкий*. Указания на внешний признак крайне редки и описывают внеш-

ний вид предмета – *топор сверкающий, ржавый*. Прилагательное *топорный* в НКРЯ представлено малым количеством употреблений и выражает качественные признаки ‘неискусный, не тонкий, грубый’, ср.: (1) *Черный дом на углу Садовой и Гороховой, топорный, тяжелый и мрачный...* Н. Чушкин; (2) *Замятин – милый и талантливый, но топорный и ничего не воспринимающий*. Л. Чуковская; (3) *Вот красноносый мужлан, потирающий потные руки, в очках, весь циничный, топорный, - профессор Арсений Введенский*. А. Белый; (4) *Слог их тяжелый, грубый, дикий, шероховатый, холодный, надутый, натянутый, топорный, водяной, булыжный*. Ю. Тынянов; (5) *Предвыборный пиар носит такой топорный характер, что диву даешься*. Н. Иванов.

Итак, мы рассмотрели некоторые пути формирования дополнительных смыслов в пределах смысловой триады «имя¹ – адъектив + имя¹ – отыменый адъектив + имя²». Новые значения формируются, в первую очередь, под воздействием присущих имени базовых признаков, которые при употреблении слова взаимодействуют с семантикой сочетающегося с данным именем прилагательного, а отыменное прилагательное, в свою очередь, вовлекает в смысловой комплекс другие имена, также оказывающие влияние на семантику, точнее – смысловое поле имени. Данные процессы зависят от лексико-семантических характеристик имени.

Завершим известными словами Мартина Хайдеггера: «Все пути мысли более или менее ощутимым образом загадочно ведут через язык»⁷.

Ключевые слова: *смысловые триады, сущностные признаки, имена природных объектов, имена веществ, имена артефактов*

ՌՈՒԶԱՆ ԳՐԶԵԼՅԱՆ – Իմաստային եռյակները (տրիադաները) ռուս խոսույթում – Հոդվածը նվիրված է արդի իմաստաբանության այն ոլորտին, որը միտված է վերծանելու լեզվի ներքին իմաստային կառուցվածքի շերտերը, որոնք որոշակիորեն ազդում են քերականական ձևերի և մեխանիզմների ձևավորման վրա: Նմանատիպ հետազոտությունները կարևոր են գործառական քերականության ստեղծման համար:

Բանալի բառեր – *իմաստային եռյակներ (տրիադաներ), էական հատկանիշներ, բնական օբյեկտների անուններ, նյութերի անուններ, արտեֆակտների անուններ*

ROUZAN GRDZELYAN – Semantic triads in Russian discourse. – The article is devoted to the field of modern semasiology, which is aimed at identifying the semantic layers of linguistic units. Such semantic layers to some extent affect the formation of grammatical forms and the emergence of mechanisms. Data from similar studies can be useful in creating functional grammar.

Key words: *semantic triads, essential features, names of natural objects, names of substances, names of artifacts*

⁷ Хайдеггер М. Вопрос о технике - <http://gendocs.ru>